

УДК 94(437)"1918/38"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/66/4

Подкарпатская Русь на страницах чехословацкой прессы 1919–1938 гг.*

В. Штастна¹, П. Кокайсл²

Чешский университет естественных наук
Чехия, 16521, г. Прага, ул. Камыцка, 129

¹ E-mail: veru-nemcova@seznam.cz

² E-mail: pkokaisl@seznam.cz

Авторское резюме

Рассматриваются положение русинов и политические и социальные условия в Подкарпатской Руси в 1919–1938 гг. с точки зрения чехословацкой прессы, а именно двух основных ежедневных газет – с левой и правой стороны политического спектра. Проанализированы дискурсивные элементы чехословацкой прессы того времени: «*Lidové noviny*» / «Народная газета» (правая пресса, в основном проправительственная) и «*Rudé právo*» / «Красный закон» (левая, почти всегда антиправительственная). Подкарпатская Русь была одним из субъектов мирных переговоров после распада Австро-Венгрии в результате Первой мировой войны, а её территория была присоединена в 1919 г. к недавно образованной Чехословацкой Республике. Политическое представительство русинов в Америке внесло значительный вклад в это решение. Частью договорённостей на международном уровне была гарантия автономных прав Подкарпатской Руси в Чехословакии, что было закреплено в чехословацкой Конституции. В действительности, однако, Подкарпатская Русь автономию не получила.

Ключевые слова: Подкарпатская Русь, русины, чехословацкая пресса, медиа-анализ, дискурсивный анализ, национальные меньшинства.

* Исследование поддержано IGA PEF ČZU Prague, № 2020A0013.

The Czechoslovak Press of 1919–1938 about Subcarpathian Rus*

V. Šťastná¹, P. Kokaisl²

Czech University of Life Sciences
129 Kamýcká, Prague, 165 21, Czech Republic

¹ E-mail: veru-nemcova@seznam.cz

² E-mail: pkokaisl@seznam.cz

Abstract

The article examines the position of the Rusins as well as political and social conditions in Subcarpathian Rus in 1919–1938 as reflected by the Czechoslovak press, namely the two main dailies on the left and right side of the political spectrum. The authors analyze the discursive elements of the Czechoslovak *Lidové noviny* (a right-wing pro-government newspaper) and *Rudé právo* (a left-wing, predominantly anti-government newspaper). Subcarpathian Rus was a subject of peace negotiations after the collapse of Austria-Hungary in WWI, and its territory was annexed in 1919 to the newly formed Czechoslovak Republic. The political representation of the Rusins in America made a significant contribution to this decision. The agreement at the international level implied a guarantee of the autonomous rights of Subcarpathian Rus in Czechoslovakia, which was enshrined in the Czechoslovak Constitution. In fact, however, Subcarpathian Rus did not receive autonomy.

Keywords: Subcarpathian Rus, Rusins, Czechoslovak press, media analysis, discourse analysis, national minorities.

Введение

В межвоенном периоде Чехословацкая Республика была очень разнообразной этнически. Однако межвоенные правительства Чехословакии совершенно по-разному относились к отдельным национальным меньшинствам: с одной стороны, были меньшинства, которые не получали поддержки (в основном венгры и немцы), с другой – которые воспринимались государством (и большинством в обществе) положительно. Среди последних, несомненно, были русины. В этом контексте цель данной публикации – показать, как в межвоенной Чехословакии подходили к национальному вопросу и с точки зрения правительства, и оппозиции. В то же время мы стремились ответить на вопрос, насколько симпатии (или антипатии) общества к

* This research is supported by IGA PEF ČZU Prague, Nr. 2020A0013.

той или иной этнической группе имеют рациональную основу и какие факторы могут влиять на формирование общественного мнения по отношению к этническому меньшинству.

Методология

В статье фокус внимания сосредоточен на анализе отношений в социально-политическом пространстве – как элиты используют текущее положение дел в своих интересах. Возможно, они в первую очередь идеологически ущемляют, даже провоцируют нетерпимость по отношению к меньшинствам, социальным классам, а в других случаях могут действовать противоположным образом (идеологическое благоприятствование определенным группам). Этот критический дискурсивный анализ описан Ван Дейком, который связывает дискурс (способ формирования и организации знания), познание и общество. По его словам, анализ может происходить на уровне текста, где люди манипулируют этими формами. Он также подчёркивает социальный подход к власти, поскольку коммуникация может негативно влиять именно в контексте власти [31: 361].

В межвоенном периоде наиболее распространёнными средствами массовой информации были печать, радио, а позднее и кино. Газеты освещали широкий круг тем: политические события, экономику, сельское хозяйство и промышленность, повседневную жизнь, события культуры и спорта, а также деятельность Красного Креста, общины «Сокол» и туристического клуба, которые принимали участие в мероприятиях непосредственно в Подкарпатской Руси.

Многие темы были взяты за основу сюжетов чешской литературы, принадлежавших, например, И. Ольбрахту, С.К. Нойману и К. Чапеку. Романтические черты местного пейзажа характерны для описания Карпатского края в романах: это очень бедный район, не тронутый влиянием цивилизации. Это в значительной степени сказочный мир, где различные сверхъестественные существа всё ещё обычны, и случаются такие вещи, которым мы улыбаемся только потому, что этого не происходило в нашей стране на протяжении столетий [20: 7].

Коммунистические писатели (Ольбрахт, Нойман) часто включали в этот романтический мир истории о бедности местных жителей, эксплуатируемых еврейскими купцами. Характеризуя среду Подкарпатья, Карел Чапек подчёркивал её патриархальный характер и закрытость от внешнего мира [1: 48]. Он описывал также столкновение двух разных миров, когда, например, поведение благочестивых (и суеверных) русинов было непонятно рациональной чешской жандармерии, но в то же время вызвало у них уважение [2].

Это отразилось на взглядах населения и Подкарпатской Руси, и Чехословакии. Подкарпатская Русь была воспринята очень положительно, и никогда не было публичных жалоб на огромную финансовую поддержку государством слабо развитого региона. Конечно, положительный настрой не был всеобщим – Подкарпатская Русь не была предпочтительной для госслужащих и полиции из-за её отсталости, скорее, это было место, куда их отправляли в наказание.

Что касается репортажей из Подкарпатской Руси о политической ситуации в регионе, журналисты писали в основном в соответствии со взглядами партии, с которой было связано издание конкретных ежедневных газет. Независимые газеты часто пытались более позитивно освещать события в Подкарпатской Руси, в т. ч. в отношении политики правительства. С другой стороны, левые периодические издания больше фокусировались на проблемах региона и часто использовали оппозиционную риторику в форме критики вмешательства государства.

Этнические, социокультурные и религиозные различия между чехословаками и русинским меньшинством – это то, что было выбрано чехословацкими периодическими изданиями. В то же время анализ двух типов газет противоположного политического спектра также потенциально полезен в отношении идеологического контекста в политическом смысле. В связи с тематическим освещением исследуемых вопросов в период с 1919 по 1939 г. для анализа была взята подборка статей из правой газеты «*Lidové noviny*» («Народная газета») и левой газеты «*Rudé právo*» («Красный закон»). Выбранные периодические издания отражают публичные события противоположного политического спектра.

«*Lidové noviny*» – периодическая газета, основанная в конце XIX в. Во время существования Первой Чехословацкой Республики «*Lidové noviny*» служила Пражскому Граду, т. е. двум президентам Первой Республики Т.Г. Масарику и Э. Бенешу. Их деятельность косвенно субсидировалась канцелярией президента. В отличие от большинства чешских ежедневных газет, где новости о Подкарпатской Руси (и Словакии) были случайными, ежедневная газета «*Lidové noviny*» имела филиалы на востоке страны. В этой газете упоминания о русинах появились ещё в австро-венгерский период. Эти сообщения в основном связаны с политическими событиями, решениями национальных проблем и неоднократным требованием создания Русинского университета: «Русинский университет – русины призывают депутатов парламента поставить вопрос о Русинском университете в повестку дня предстоящей парламентской сессии из-за нелояльности поляков» [7: 8].

Газета «Rudé právo» издавалась Коммунистической партией Чехословакии. Она была направлена против капиталистического управления, политических условий в Чехословакии и часто критиковала решения правительства и администрацию страны в целом. Положение русинов в Подкарпатской Руси также не оставалось вне поля зрения газеты, хотя журналисты больше уделяли внимание рабочему классу Чехословакии.

Интересным временем с точки зрения национальных вопросов для газеты является период с 1922 по 1931 г. Более поздние упоминания о русинах носят характер маргинальный.

Территориальная автономия и политико-экономическое положение русинов

Подкарпатская Русь присоединилась к Чехословакии в 1919 г. На площади 12 617 км² располагалось 487 муниципалитетов, в которых проживало около 600 тыс. чел. (согласно переписи 1921 г.). Присоединение Подкарпатской Руси к Чехословацкой Республике было осуществлено иностранным русинским политическим представительством, действовавшим в основном в США и Канаде. Другая территория, населённая русинами, после Первой мировой войны досталась Польше (Галиция и Лемковщина), Румынии (Буковина) и лишь небольшая часть – Венгрии.

Окончательная форма чехословацкой государственной границы была определена только Трианонским договором (1920 г.), по которому Подкарпатская Русь именуется *русинской территорией государства Чехословацкого*. Это искусственно созданное и упрощённое впечатление об этническом единстве Подкарпатской Руси в значительной степени сохранялось, по крайней мере, среди широкой публики, на протяжении всего существования Чехословакии и даже после её разделения.

Ещё одним дестабилизирующим фактором стала неспособность определить чёткую границу между Восточной Словакией и Подкарпатской Русью. Кроме того, были активисты (даже за границей), которые пытались добиться автономии на уровне международного права через Лигу Наций [19: 21–22].

В связи с политической ситуацией, культурными и общественными событиями появился на первой полосе «Лидовых новин» репортаж «Праздник Подкарпатской Руси». В Ужгороде 2 декабря 1920 г. с торжественной речью на русинском языке выступил губернатор области Жаткович и выразил гордость за участие в освобождении Подкарпатской Руси. Речь шла о присоединении к Чехословакии,

переговорах с Масариком, Вильсоном, Центрально-Европейском союзе и о том, что на тот момент 67 % избирателей высказались за присоединение к Чехословацкой Республике, включая поддержку русинской общины в Америке. Мероприятие было очень позитивно воспринято тысячами русинов, которые приехали на празднование из разных мест [9: 1].

Даже после 1921 г., когда проблема региональных границ всё ещё решалась, Жаткович выступал за выборы в Подкарпатской Руси и призывал не делить русинов в рамках делимитации словацко-русинской границы. Тогдашняя граница была временной и впоследствии скорректирована по результатам переписи 1921 г. [9: 3].

Напротив, ситуация в июне 1921 г. в контексте обозначенных событий изменилась, а вместе с ней и отношения с доктором Жатковичем, которого подозревали в манипулировании новостями из американской среды в журнале в Кошицах и в обмане венгерских читателей ежедневными «неуместными и подозрительными исками» в отношении автономии Подкарпатской Руси. В статье также критиковались русины по отношению к Жатковичу: «Американские русины не безграмотны, как, к сожалению, подавляющее большинство подкарпатских русинов. <...> Пропаганда Жатковича, основанная на лжи, может проникнуть в мир, но правда, в конце концов, восторжествует.

И правда в том, что невозможно сразу провести выборы среди русин Подкарпатья, столь же неграмотных и сильно заброшенных после венгерского режима. Этому народу нельзя передать управление страной, потому что оно было бы сразу отобрано венгерскими и другими нечистыми элементами и остановило бы всю культурную и экономическую работу, которая происходит в Подкарпатской Руси» [10: 2].

Помимо границ, автономия Подкарпатской Руси была серьёзной проблемой с момента основания Чехословакии. Доктор Каминский защищал интересы русинов, обвиняя пражское правительство и чешское общественное мнение в невыполнении по непонятным причинам своих обязательств перед Подкарпатской Русью в отношении автономии территории. Обещание президента Масарика о необходимости строительства учебных заведений, медицинских учреждений и проведения земельной реформы до автономии было приятным, но никоим образом не оправдывающим. Подход Каминского критикуют в газете «Lidové noviny»: «Это правда, что русняки жили в конституционной монархии до переворота, но то, как это выглядело с осуществлением их политических прав, он, д-р. Каминский, мог бы лучше всего объяснить, если бы захотел. Он наверняка очень хорошо помнит коварные суды за неприятные проявления

национальной жизни, выпитые на выборах бочки рома, кордоны венгерских жандармов и т. д. Как и в случае с муниципальной автономией, в которой русины принимали активное участие, венгерские протоколы районных нотариусов и муниципальных собраний могли лучше всего нас убедить в этом. Постреволюционной Русской Крайиной тогда руководили русняки-территориалисты, не революционеры и не убеждённые. Родной язык не русский, и это большая разница, на которую следует обратить внимание. Настоящие русняки, обладающие здравым смыслом и врожденным интеллектом, осознают, что им нужно, прежде всего, правильное образование, здоровая земельная реформа и обеспечение условий жизни в целом...» [11: 2].

В 1922 г. проявились результаты четырёхлетней чехословацкой деятельности в Подкарпатской Руси по сравнению с управлением венгерской территорией. Русины могли активно влиять на собственную судьбу, имели свободу слова, выбор политической принадлежности, наблюдалось экономическое развитие (появились производственные кооперативы, сберегательные кассы и земельная реформа). Русины из круга доктора Каминского должны были оценивать то, что строилось совместно с чехами с 1919 г. Также наблюдался интерес к образованию и рост посещаемости школ, высшее образование охватывало гимназии и профессиональные училища: «При венграх простая кириллица была исключена из начальных школ. Те, кто сегодня называют себя русинами, охотно этому помогали. Эти русины хотят попасть на первые места, хотя в ноябре 1918 года и понятия не имели о своём русинстве. Нельзя также сказать, что органы самоуправления препятствуют развитию людей. Верно прямо противоположное. Однако у нынешнего режима много недостатков, но необходимо помнить о запущенной ситуации, которую республика взяла на себя в Подкарпатской Руси во всех сферах, так что проделанная работа тем более выделяется» [12: 2].

Автономия Подкарпатской Руси была также важной темой газеты «*Rudé právo*» того времени в связи с созванным американскими русинами Всеобщим русским конгрессом в Америке. Чехословацкое правительство должно было выполнить то, что обещало русинам и заявило в Конституции, а именно урегулирование границ и немедленное объявление выборов [23: 3]. Точно так же «*Rudé právo*» неоднократно упоминает проблемы, которые сохраняются в Подкарпатской Руси. Среди основных снова был вопрос национальности. Однако он тесно связан с русофильскими и украинофильскими движениями, разобщённостью русинов как нации, плохими социальными условиями и недостаточной образованностью населения Подкарпатской Руси.

«*Rudé právo*» критикует чехословацкое правительство в Подкар-

патской Руси за создание в некотором роде чехословацкой колонии, потому что места чиновников, жандармов, полицейских и других административных лиц были заняты исключительно чехами, а не местными русинами, венграми и евреями. Эта ситуация вызвала недовольство местных жителей и чехов, которые много раз бывали здесь по официальному распоряжению, а не по собственной воле. Также в этом контексте возникает мнение, что проблемы, касающиеся национальности русинов, касались чехов, русских иммигрантов и украинцев [24: 2].

В контексте развития и управления в регионе зависимость Подкарпатской Руси от государственной помощи Чехословакии в целом подвергалась критике в СМИ. Эта экономическая зависимость была тоже аргументом в пользу того, что территория не может получить автономию. Ситуацию иллюстрирует, например, статья, где пишут о бездействии в экономической сфере, которая не на первом месте из-за вопросов национальности, языковых и религиозных споров – политизация без прочной экономической базы и разделения труда ничего русинам не принесет: «О голоде в Верховине пишут, что неграмотность ещё полностью не ликвидирована, что эмиграционные потоки за границу не уменьшаются, особенно в Америку. В районе, известном своим природным неисчерпаемым богатством, всё ещё наблюдается безработица и все связанные с ней явления, что простые люди живут ужасно, что они убивают себя самогонкой».

Директор Подкарпатского банка в Ужгороде К. Грабар и его сотрудники запланировали проект в рамках независимого экономического развития в сотрудничестве с американскими русинами, которые будут вкладывать средства на своей исконной родине независимо от чехословацкого правительства. Впоследствии был создан Американский экономический совет для поддержания экономических контактов с Подкарпатьем и предоставления капитала для начала бизнеса, включая культурную поддержку. Русины считали, что леса Подкарпатской Руси были их национальным достоянием: «Таким образом, в Америке русинам удалось объединиться, хотя существуют те же религиозные, языковые и политические противоречия, что и в старом регионе. В целом можно оценить капитал американских русинов, который может быть мобилизован, если потребуется, в размере от 300 до 400 миллионов крон. Американские русины представляют экономическое сотрудничество с Подкарпатской Русью в основном в промышленной сфере, до сих пор неизвестной русинам. Они намерены постепенно создавать деревообрабатывающие предприятия, наладить добычу руды, каолина, угля, использовать богатства минеральных вод и т. д.» [13: 3].

Однако в 1920-е и 1930-е гг. проблема сохранялась: американские русины были заинтересованы в сотрудничестве на нескольких уровнях, но в Подкарпатской Руси практического осуществления этого не было, что видно из прессы, критиковавшей методы обработки, ведения хозяйства и ухода за землей. Другой проблемой для бедных в Подкарпатье было финансовое положение и ростовщичество, где проценты составляли половину суммы задолженности, а некоторые русины и вовсе лишились своей собственности или полностью зависели от ростовщиков [14: 1].

В 1925 г. рассматривалось изменение Конституции, чтобы сохранить квалифицированное большинство чехословацких политиков в Палате депутатов и в решающих вопросах, касавшихся избирательного порядка. Газета «*Rudé právo*» считала это шагом против национальных меньшинств Чехословакии, включая русинов [25: 1]. Также было названо пять ключевых проблем: «1. Подкарпатской Руси не была предоставлена автономия. 2. Органы самоуправления не созданы или созданы формально. 3. Губернатор Подкарпатской Руси исполнительной власти не имеет. 4. Сегодняшние границы не совпадают с национальными границами... 5. Перепись населения фальсифицируется с применением силы, использование местного языка запрещено» [26: 4].

Обещание автономии Подкарпатской Руси не было выполнено, потому что чехословацкая сторона по-прежнему подчёркивала недостаточность местных политических, экономических и социальных условий. Этот аргумент, несомненно, был верен, но причины нежелания предоставить Подкарпатской Руси автономию, вероятно, гораздо больше заключались в страхе, что аналогичной автономии потребуют немцы или венгры, жившие в приграничных районах Чехословакии. Таким образом, правительство оправдывало отсталость региона своим формальным суверенитетом над управлением территорией и защищало свои действия перед тогдашней общественностью и общественным мнением через средства массовой информации.

1938 г. отмечен тем, что некоторые представители Подкарпатской Руси активизировали свои усилия по автономии области [5]. Это не отвечало интересам чехословацкого правительства, которое ссылалось на фрагментацию карпатских русинов в лингвистической, религиозной и культурной сферах. Хотя автономия была закреплена в Конституции и международных договорах, правительство по-прежнему утверждало, что автономия территории не должна нарушать государственное единство Чехословакии. Американские русины стремились объединить русинов на их родине как в политическом, так и в культурном плане, но переговоры не увенчались успехом. Об

этом пишет газета «Lidové noviny»: «Национальная раздробленность ведёт к радикализму: Подкарпатская Русь – это не Хорватия или Финляндия. Практически полное единство автономистского максимализма было похоронено раздробленностью национальностей, противоречиями русской и украинской концепций национального самоопределения подкарпатских русинов. С геополитической точки зрения, подкарпатские русины – единая нация, но, с этнографической точки зрения, зародыш будущей объединённой нации или двух наций развивается» [16: 2].

Первый и пока последний прорыв произошёл в конце 1938 г., когда была испытана автономия региона. Первое подкарпатское правительство было назначено в Праге 11 октября 1938 г. (до т. н. Венского арбитража, но после потери Судетской области, вызванной Мюнхенским соглашением) по рекомендации властей Подкарпатья. Кабинет из шести человек во главе с Андреем Броды (чехословацкая пресса использовала вариант Броды вместо русинского варианта Броди, Бродий, Бровдий) был прорусинским (в терминологии того времени это были русинофилы и русофилы). Однако всего за 14 дней чехословацкое правительство обвинило некоторых членов правительства (в т. ч. Броды) в шпионаже в пользу Венгрии и Польши. С назначением нового правительства во главе с греко-католическим священником Августином Волошиным чехословацкое правительство в Праге обратилось к представителям т. н. украинофильства.

Переломным моментом можно считать начало ноября 1938 г., когда после Венского арбитража Ужгород и Мукачево, два важнейших административных и культурных центра, были заброшены в результате создания Венгерского национального комитета и его надзорных органов, отправленных на улицы. Это произошло в контексте трансформации демаркационной линии и границы с Венгрией. Часть населения бежала из городов, прежде чем они продали хотя бы часть своей собственности. Статья в газете «Lidové noviny» рассказывает о внезапной смене политических взглядов и мнений некоторых жителей: «Подкарпатская Русь теряет два важных центра культуры, экономики и общения. Прервано автомобильное, железнодорожное, телеграфное и телефонное сообщение с западом республики... Эти дни – ещё и проверка русского и украинского патриотизма. Многие исповедовали этот патриотизм только в хорошие времена. Теперь многие открыли для себя чисто венгерский дух. Точно так же некоторые из вчерашних коммунистов забыли свое прошлое и предстают перед изумлённым взором публики как венгерские фашисты. Все слухи о добровольном присоединении страны к Венгрии или Польше – выдумка» [18: 1].

Резиденция правительства была перенесена в Хуст. Карпатско-украинское собрание провозгласило независимость 15 марта 1939 г., когда немецкие оккупационные войска маршировали через Прагу, и тот же день венгерские войска вошли в Хуст и в течение нескольких дней получили контроль над всем Подкарпатьем [21: 140].

Национальный и языковой вопрос

Проблемы с национальным вопросом были очевидны уже при создании новой объединённой национальности – чехословацкой, поскольку наблюдалось явное преобладание славянского населения над германской и венгерской нациями. Большинство составляли чехи и словаки (включённые в переписи 1921 и 1930 гг. под одним этнонимом – чехословаки), меньшинство составляли немцы (36 % в 1921 г.), венгры (9 %), русские (5 %) (этот этноним включал великорусскую, украинскую и карпатскую национальности), а другими менее многочисленными меньшинствами были, например, евреи и поляки [30: 60].

Хотя население Подкарпатской Руси в Чехословакии обычно называлось русинами (включая договор, подписанный в Сен-Жермене в 1919 г., где Чехословакия обязалась предоставить русинам территориальную и политическую автономию), русинская национальность официально не упоминалась в переписи населения. Таким образом, у русинов была своя собственная географическая область, известная как Подкарпатская Русь, но, с другой стороны, велись горячие дискуссии об их назначении или их официальном языке. По этому поводу были значительные разногласия.

В газете «*Lidové noviny*» рассказывается о национальных проблемах, которые сохранились и после присоединения русинов к Чехословакии: «Из чешско-русского единства: с присоединением карпатских русских к нашей республике у нас появилась новая обязанность уделять должное внимание этой славянской ветви и прежде всего получать о ней отличную информацию. В рамках чешско-русского единства был создан специальный комитет по Карпатской Руси... Также необходимо интерпретировать просьбу самих русских из бывшей Венгрии, чтобы их правильно называли карпатскими русскими, а не венгерскими русинами и так далее, как мы часто неправильно читаем и слышим» [8: 6]. Тем не менее название «русины» продолжает появляться в «*Lidové noviny*» без дальнейших оговорок и довольно часто в контексте Подкарпатской Руси.

Не только чехословацкое правительство, но и почти все учреждения Чехословакии понимали Подкарпатскую Русь как страну русинов, хотя их доля не достигла даже двух третей населения, и обозначение

русинов не вошло в число официальных национальностей при переписи. Остальные этнические группы в управлении Подкарпатской Руси практически не учитывались – в основном это были венгры (с долей 17 %) и евреи-хасиды (13 %), в приграничной зоне проживало около 13 тыс. румын (данные 1930 г.) [6: 136] и более 10 тыс. немцев [30: 60], живших в Подкарпатской Руси с конца Средневековья.

Политические отношения между представителями русинов в Восточной Словакии и Подкарпатской Руси обострились между 1919 и 1922 гг. [4]. Конфликтная ситуация ухудшилась ещё из-за того, что результаты переписи населения 1921 г. подверглись сомнению, по причине чего количество русинов (во время переписи карпаторусов) значительно сократилось при сравнении с 1910 г.

Перепись 1921 г. оказалась проблематичной в новообразованной республике, затем, в 1922 г., она уже содержала информацию о национальном составе страны. Например, в этом контексте газета «*Rudé právo*» отметила противоречие по поводу представленных статистических данных, единственное согласие было только с русинами: «Немцы прибыли на мирный конгресс в Праге со следующими цифрами об этническом составе Чехословацкой Республики: чехи – 5 800 000, словаки – 1 950 000, немцы – 3 747 000, венгры – 1 071 000, русины – 432 000, поляки – 166 000. С другой стороны, чешские делегаты представили следующие официальные цифры: чехословаков – 9 400 000, немцев – 3 100 000, венгров – 500 000, русинов – 432 000, поляков – 100 000» [22: 2].

Языковые проблемы касались вопроса национальности и неоднозначности национального статуса из-за русофильских и украинофильских движений среди русинского населения. С годами эта проблема распространилась и на систему образования, в частности в форме языковых вариаций учебников в Подкарпатском регионе, где была сделана попытка обучать детей русинскому языку. Но она была осложнена указанными выше движениями: «Две языковые школы яростно борются друг с другом за подкарпатских русинов. Русские не признают и не отвергают украинцев; они говорят, что есть только одна русская нация в мире... Пусть русины говорят, как хотят, но им надо только выучить русский язык! Приверженцы русского направления требуют свои, то есть русские учебники для школ Подкарпатья. Долой учебники, написанные позорным жаргоном!» [15: 9]. В статье в газете «*Lidové noviny*» содержится пример русинского текста из учебника для детей, так что язык хотя бы представлен чешскому читателю.

В 1925 г. журналисты газеты «*Rudé právo*» восприняли ситуацию с населением в Подкарпатской Руси как политическое и экономическое угнетение по примеру колонизированных стран, подчеркнув, что до

сих пор не решены вопросы о границах со Словакией, об административных и официальных должностях, занимаемых преимущественно чехами в интересах пражского правительства. Было отмечено, что образование находится в плачевном состоянии, 30 народных школ было закрыто, а русинов часто учили на трёх языках [25: 3–4].

Проблема с границами также возникла в 1927 г. (статья снова напоминает о том, что происходило в Словакии во время переписи 1921 г., когда было указано, что русинов в Словакии нет, и об отставке губернатора Жатковича). Газета описывает положение русинов в Словакии: «Русины (в Словакии) не имеют единой средней школы, а преподавание и религия также ведутся на словацком языке, русинское меньшинство не имеет таких же прав, как венгры и немцы» [27: 2].

Следующая статья 1927 г. в газете «*Rudé právo*» снова критикует несоблюдение Конституции, национальное самоопределение и сохраняющиеся проблемы в Подкарпатской Руси. Возникла новая проблема с названием территории, а именно что она должна называться Закарпатской Украиной (в соответствии с советской политикой), и что эта территория не была свободно присоединена к Чехословацкой Республике. По словам русинского депутата Волошина, русины были словакизированы в Словакии, литургия и обучение на русинском языке не поддерживались, не хватало среднего образования, а граница между Подкарпатской Русью и Словакией всё ещё была временной. Согласно газете, эту ситуацию могла бы разрешить революция: «Действующая администрация в Подкарпатском регионе неконституционна, и, согласно Конституции, реформа государственного управления вообще не могла распространяться на Подкарпатский регион... Подкарпатье управляется независимо от закона... Только победоносная пролетарская революция принесёт нациям право на самоопределение и честное государственное управление, свободное от всякого влияния бюрократии» [27: 2].

Русины как народ назывались по-разному, и в отношении русинов, ориентированных на русофильство и украинофильство, сложилась неоднозначная ситуация. «*Rudé právo*» начала 1930-х гг. ставит под сомнение русинскую нацию (опять же в полном соответствии с советской политикой в отношении национальности): «Как известно, Закарпатье является домом для части этнической группы, которая также проживает в Советской Украине, Бессарабии, Буковине и Восточной Польше. В других странах они украинцы, но Австрия называла их “*Ruthenen*”, а Чехословакия русинами. И “*Lidové listy*”, которые мы цитируем, придумали название “карпаторусы”... Самой острой проблемой русинов кажется языковой вопрос... Карпаторусы-русины говорят на русинском диалекте, они не считают себя украинцами и

вместо образования на русском или украинском считают, что лучше дать детям учить чешский язык. В первую очередь это дети карпатских горцев, лесорубов и поденщиков на крупных фермах, которые в Закарпатье получают от 2,50 до 5 чешских крон в день. Они хотят, чтобы эти дети, которые ходят в одной рубашке или голыми зимой и летом, поступили в университет» [28: 5]. В Подкарпатье были вполне очевидные долгосрочные проблемы, когда русинское население рассматривалось как социально слабое, бедное и де-факто неграмотное.

Газета «*Rudé právo*» не имела единой позиции по вопросу русинской национальности. Газета писала о русинах по-разному, в основном называя их украинцами (в соответствии с национальной политикой СССР), например, в статье «Непонятые украинцы» от октября 1931 г. Здесь автор статьи отвечает на редакционную статью о Подкарпатской Руси в конкурирующей газете «*Právo lidu*». Последняя решала этническую ситуацию между малорусами, русинами, угорцами и подкарпатцами в связи с языковыми проблемами, а также вопрос о том, должны ли эти народы называться в устной и письменной форме на их родном языке или на великорусском. Обе газеты резко критиковали ситуацию, говоря, что все эти этнические споры бессмысленны, потому что все они украинцы и это тоже проблема переписи населения. Согласно газете «*Rudé právo*», это политическая проблема, сознательно поставленная буржуазией: «Есть ещё судьи, русские эмигранты, ненавидящие украинцев, и чешские учителя, национализирующие украинских детей, поэтому языковая борьба возникла не сама по себе» [28: 6].

Проукраинская тенденция прослеживалась и в последующие годы в связи с переписью 1930 г.: в статье «Украинцы были украдены» были представлены только результаты обработки для Подкарпатской Руси. «*Rudé právo*» в то время однозначно считала территорию Закарпатьем: «Пока газета «*Lidové noviny*» публикует часть этой обработки, и, по её словам, в Закарпатье проживает 709 315 чехословацких граждан, из которых 447 182 – русские. Русские? Вы будете поражены, откуда они взялись. Затем газета объясняет в скобках, что это великорусы, малорусы или белорусы. Насколько нам известно, переписчики говорили многим, что они должны записаться как русины, но их вообще нет в статистике, и украинцы совершенно потерялись. Из писем рабочих корреспондентов мы знаем, что многие из них испытывали определенные неудобства из-за того, что их вносили в переписные листы как украинцев, и что их было много» [28: 5].

В 1938 г., через двадцать лет после образования Чехословакии, газета «*Lidové noviny*» обратила внимание на сохранявшуюся разобщенность русинов по языковому вопросу: «Даже в языковом

отношении среди русинов нет единства. Споры возникли до войны и возобновились после государственного переворота из-за вмешательства русских и украинских иммигрантов и, как правило, неподходящего партийно-политического влияния. Развитие больше направлено на многоязычие, и, что еще хуже, первоначальная языковая борьба, вероятно, превратилась в борьбу за русскую, украинскую и русинскую национальную ориентацию» [17: 1].

Дело в том, что, несмотря на демократичность в межвоенной Чехословакии, политический режим адаптировал ситуацию так, чтобы его власть была узаконена и защищена с позиции правящей элиты. Перепись – один из примеров нежелания предоставить Подкарпатской Руси обещанную и провозглашённую Конституцией автономию.

Религиозное положение

Этническое разнообразие Подкарпатской Руси нашло отражение и в религиозном вопросе. Доминирующее положение и влияние в этом районе сохранила греко-католическая церковь с 359 тыс. верующих. Часть русинов придерживалась православной веры, но число верующих было менее трети от числа греко-католиков [3: 33].

Религиозный вопрос стал постепенно весьма проблематичным. Чехословацкое правительство очень неохотно поддерживало греко-католическую церковь, которая, однако, была одним из немногих местных учреждений, внедрявших в своих церковных школах образование. Однако уровень образования и большое количество неграмотных в Подкарпатской Руси было значительно большей проблемой, чем в остальной Чехословакии. Высокая неграмотность – это задача, которую было необходимо решать в первоочередном порядке.

Образование в Подкарпатской Руси было тесно связано с религией и греко-католической церковью, которая обеспечивала базовое образование. Однако политика чехословацких правительств часто строилась на антицерковной идеологической основе, которая проявлялась в яростном антикатолицизме. Поэтому школы греко-католической церкви не поддерживались в регионе; вместо этого чехословацкое государство открыло свои собственные школы. Но это были чешские школы, и чешские учителя преподавали на чешском, а не на русинском языке. Этот языковой барьер усугубил социальное неравенство, но не дал чёткого решения существовавших проблем [29: 238]. Поскольку греко-католические церкви и местное духовенство исторически были главными носителями своей специфической культуры и благодаря им русины могли получать образование, борьба чехословацкого правительства против церковных школ встретила немалое сопротивление, и вся политика правительства была оценена негативно.

Согласно газете «*Rudé právo*», в данной ситуации виноваты были как чехословацкое правительство, так и влиятельная Аграрная партия, которая участвовала в лесозаготовках и пропаганде православной веры: «Сегодня Подкарпатская Русь религиозно разделена, люди обнищали, уничтожены алкоголем и венерическими болезнями – и всё это благодаря Аграрной партии, превратившей Подкарпатскую Русь в свою золотую жилу» [28: 5]. Это усугублялось политической ситуацией в Чехословакии, когда Аграрная партия потребовала роспуска Коммунистической партии, которая сочла совершение действий в Подкарпатье формой государственной измены и потребовала увольнения местных чиновников, назначенных из числа членов Аграрной партии.

Религиозные вопросы в Подкарпатской Руси, однако, были темой, которая очень редко появлялась в чехословацкой прессе в межвоенный период.

Выводы

Положение русинского населения в современной прессе, сосредоточенной на национальных вопросах, религии, политической ситуации и других социокультурных различиях, отражает уникальную перспективу двух идеологически противоположных газет: левой – «*Rudé právo*» («Красный закон») и правой – «*Lidové noviny*» («Народная газета»). Помимо политики, общий медийный имидж Подкарпатской Руси был единообразен в прессе – нетронутая природа Карпат и население, к которому чешская общественность по разным причинам выражала большую симпатию. Некоторые серьёзные проблемы сохранялись на территории со времен Австро-Венгрии, когда часть населения столкнулась с венгеризацией, а русины не имели государственной поддержки. Таким образом, после присоединения к Чехословацкой Республике регион был более отсталым по сравнению с остальной частью государства. Отсталость проявилась как в экономическом плане, так и в сфере образования и культуры.

Ситуация усугублялась также политической разобщённостью русинского большинства – кто-то полагался на политически вовлечённых американских русинов, кто-то был русофильски ориентирован, а кто-то являлся украинофилом. В средствах массовой информации этот аргумент был использован для отказа от автономии Подкарпатской Руси. Действия чехословацкого правительства против введения обещанной автономии были защищены и узаконены правой прессой («Народная газета»). При обсуждении положения русинов под властью Венгрии делался вывод, что им значительно лучше в Чехословакии.

Левая пресса («Красный закон») указывала на бедность сельской местности, проблемы со здоровьем, неграмотность местного населения по причине отсутствия доступа к обучению в школах и образованию в целом. СМИ связывали эти проблемы с критикой зависимости Подкарпатской Руси от чехословацкого правительства и государственных инвестиций, а также с неспособностью использовать потенциал предлагаемой помощи и экономические возможности американских русинов. С точки зрения меньшинств, правые ежедневные газеты представляли собой элемент разграничения по отношению к ним и видение многих проблем с точки зрения большинства и его культурных рамок. Левая пресса предпочитала решать национальный вопрос, ориентируясь на советскую модель.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Budín V.* Podkarpatská Rus očima Čechů. Praha: Česká expedice, 1996.
2. *Hořec J.* Země naděje: o minulosti a současnosti Podkarpatské Rusi. Praha: Česká expedice, 1995.
3. *Kokaisl P., Štolfová, A., Fajfrlíková P. et al.* Po stopách Rusínů v Evropě: Ukrajina, Slovensko, Srbsko, Polsko a Maďarsko. Praha: Nostalgie, 2020.
4. *Kokaisl P.* Transformation of the ethnic identity of the Rusin minority in Slovakia // *Rusin*. 2018. № 52 (2). P. 238–257. DOI: 10.17223/18572685/52/17
5. *Konečný S.* Rusíni v prelomoch dvoch tisícročí. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, 2008.
6. *Kozauer N.G.* Die Karpaten-Ukraine zwischen den beiden Weltkriegen. Esslingen: Bruno Langer, 1979.
7. *Lidové noviny*. 1913. Vol. 21. № 253. С. 8
8. *Lidové noviny*. 1919. Vol. 27. 8 мая. № 127. С. 6.
9. *Lidové noviny*. 1920. Vol. 28. 6 декабря. № 608. С. 1.
10. *Lidové noviny*. 1921. Vol. 29. 3 июня. № 273. С. 2.
11. *Lidové noviny*. 1922. Vol. 30. 22 марта. № 151. С. 2.
12. *Lidové noviny*. 1922. Vol. 30. 21 августа. № 417. С. 2.
13. *Lidové noviny*. 1923. Vol. 31. 4 ноября. № 553. С. 3.
14. *Lidové noviny*. 1930. Vol. 38. 7 февраля. № 69. С. 1.
15. *Lidové noviny*. 1932. Vol. 40. 21 октября. № 533. С. 9.
16. *Lidové noviny*. 1938. Vol. 46. 17 июня. № 302. С. 2.
17. *Lidové noviny*. 1938. Vol. 46. 1 июля. № 327. С. 1.
18. *Lidové noviny*. 1938. Vol. 46. 5 октября. № 557. С. 1.
19. *Lukáč M.* Reflection of the situation of Rusyns in the 1920s in the Slovak Historiography after 1989 // *Individual and Society*. 2014. Vol. 17. № 4.
20. *Olbracht I.* Nikola Šuhaj loupežník. Praha: Svoboda, 1950.
21. *Pop I.* Malé dejiny Rusínov. Bratislava: Združenie inteligencie Rusínov Slovenska, 2011.

22. Rudé právo. 1922. Vol. 3. 8 июня. № 129. С. 2.
23. Rudé právo. 1922. Vol. 3. 14 ноября. № 258. С. 3.
24. Rudé právo. 1924. Vol. 5. 10 августа. № 188. С. 2.
25. Rudé právo. 1925. Vol. 6. 13 июля. № 156. С. 1.
26. Rudé právo. 1925. Vol. 6. 13 августа. № 188. С. 4.
27. Rudé právo. 1927. Vol. 8. 7 июня. № 134. С. 2.
28. Rudé právo. 1931. Vol. 12. 2 июня. № 258. С. 5.
29. Rychlík J. Rychlíková M. Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1946. Praha: Vyšehrad, 2016.
30. Sčítání lidu v republice Československé ze dne 15. února 1921. Československá statistika, 1924. Vol. 9.
31. Van Dijk T.A. Discourse and Manipulation // Discourse & Society, 2006. Vol. 17 (2). P. 359–360. DOI: 10.1177/0957926506060250

REFERENCES

1. Budín, V. (1996) *Podkarpatská Rus očima Čechů* [Subcarpathian Rus through the eyes of Czechs]. Prague: Česká expedice.
2. Hořec, J. (1995) *Země naděje: o minulosti a současnosti Podkarpatské Rusi* [Land of Hope: about the past and present of Subcarpathian Rus]. Prague: Česká expedice.
3. Kokaisl, P., Štolfová, A., Fajfrlíková, P. et al. (2020) *Po stopách Rusínů v Evropě: Ukrajina, Slovensko, Srbsko, Polsko a Maďarsko* [Following Rusins in Europe: Ukraine, Slovakia, Serbia, Poland, and Hungary]. Prague: Nostalgie.
4. Kokaisl, P. (2018) Transformation of the ethnic identity of the Rusin minority in Slovakia. *Rusin*. 52(2). pp. 238–257 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/17
5. Konečný, S. (2008) *Rusíni v prelomoch dvoch tisícročí*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove.
6. Kozauer, N.G. (1979) *Die Karpaten-Ukraine zwischen den beiden Weltkriegen* [The Carpathian-Ukraine between the two world wars]. Esslingen: Bruno Langer.
7. *Lidové noviny*. (1913) 21(253). p. 8
8. *Lidové noviny*. (1919) 8th May. p. 6.
9. *Lidové noviny*. (1920) 6th December. p. 1.
10. *Lidové noviny*. (1921) 3rd June. p. 2
11. *Lidové noviny*. (1922a) 22nd May. p. 2
12. *Lidové noviny*. (1922b) 21st August. p. 2
13. *Lidové noviny*. (1923) 4th November. p. 3
14. *Lidové noviny*. (1930) 7th February. p. 1.
15. *Lidové noviny*. (1932) 21st October. p. 9
16. *Lidové noviny*. (1938a) 17th June. p. 2.
17. *Lidové noviny*. (1938b) 1st July. p. 1.
18. *Lidové noviny*. (1938c) 5th October. p. 1.
19. Lukáč, M. (2014) Reflection of the situation of Rusyns in the 1920s in the Slovak Historiography after 1989. *Individual and Society*. 17(4). pp. 19–29.

20. Olbracht, I. (1950) *Nikola Šuhaj loupežník*. Prague: Svoboda.
21. Pop, I. (2011) *Malé dejiny Rusínov*. Bratislava: Združenie inteligencie Rusínov Slovenska.
22. *Rudé právo*. (1922a) 8th June. p. 2
23. *Rudé právo*. (1922b) 14th November. p. 3
24. *Rudé právo*. (1924) 10th August. p. 2
25. *Rudé právo*. (1925a) 13th July. p. 1
26. *Rudé právo*. (1925b) 13th August. p. 4.
27. *Rudé právo*. (1927) 7th June. p. 2.
28. *Rudé právo*. (1931) 2nd June. p. 5.
29. Rychlík, J. & Rychlíková, M. (2016) *Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1946* [Subcarpathian Russia in the history of Czechoslovakia, 1918–1946]. Prague: Vyšehrad.
30. Czechoslovak Republic. (1924) Sčítání lidu v republice Československé ze dne 15. února 1921 [Census in the Czechoslovak Republic of 15 February 1921]. *Československá statistika*. 9.
31. Van Dijk, T.A. (2006) Discourse and Manipulation. *Discourse & Society*. 17(2). pp. 359–360. DOI: 10.1177/0957926506060250

Штастна Вероника – аспирант Чешского университета естественных наук в Праге (Чехия).

Veronika Šťastná – Czech University of Life Sciences Prague (Czech Republic).

E-mail: veru-nemcova@seznam.cz

Кокайсл Пётр – доктор культурной и социальной антропологии, доцент кафедры психологии и исследований культур Чешского университета естественных наук в Праге (Чехия), почётный профессор Ошского гуманитарно-педагогического института (Кыргызстан).

Petr Kokaisl – Czech University of Life Sciences Prague (Czech Republic).

E-mail: pkokaisl@seznam.cz